

Стань для меня ветром

ГЛАВА 1

Я выпадаю из автобуса потому, что толстая, вонючая старуха со всей силы толкает меня локтем прямо по ребрам. Господи, клянусь, сейчас я накинусь на нее с кулаками и отыграюсь на ее провиснувших боках по полной программе, ведь в этой консервной банке мне пришлось ехать больше получаса и ничего человеческого в моих мыслях не осталось. Однако автобус болезненно кричит, выпускает мне прямо в лицо черную дымку из едкого, мерзкого запаха и благополучно уезжает, а я так и стою посреди остановки, злая, разочарованная и уставшая.

Так, Зои. Дыши, возьми себя в руки. Скоро ты будешь дома, завтра выходной, и ничто не помешает тебе «пуститься во все тяжкие», пусть ты совершенно и не понимаешь значения этого модного оборота. Ну, или, что кривить душой, понимаешь, просто не практикуешь.

Вздыхаю и срываюсь с места. Не хочу бежать, но удовольствие так и тянет меня за руки в сторону старого, дешевого заведения с отвратительным названием «Золотые куколки». Мама работает там уже больше трех лет. Зарабатывает неплохие деньги. Наверное, мне должно быть стыдно, ведь в ее профессии нет ничего хорошего, почетного или достойного. Но мне плевать. Едва я вспоминаю свои безумные, исступленные галлюцинации от голода, как тут же разделение на хорошие и плохие деньги испаряется само собой, ведь выбирая между достойной смертью и банальным выживанием — все мы выбираем вто-

рое, и тут уж не важно, кто ты, важно, насколько сильно жизнь тебя потрепала и как глубоко она успела воткнуть в тебя свои когти. Эти когти сжимают мне горло. Маму же эти когти стиснули со всех сторон. Я понимаю: рыпаться она не в состоянии, поэтому и не жалуясь на ее методы работы, на ее способы и пути достижения наших общих целей. Все меня устраивает, и, поверьте, ни на что я не собираюсь сетовать. Однако сейчас я злюсь так сильно, что могу расплавить дверь бара одним лишь своим взглядом.

На часах половина восьмого. Мамина смена закончилась еще утром. И мне безумно интересно, чем же она таким занимается, что пропала почти на целые сутки. Крепко стискиваю зубы: да, черт, да, я догадываюсь, куда же моя проблемная мать опять подевалась. И все же мне хочется верить, что я искренне заблуждаюсь. Ведь не всегда сюжетные клише работают. Порой человек вынужден заниматься тем, что ему несвойственно. Распахиваю дверь клуба, пробегаю мимо круглых, высоких табуреток — на них золотые куколки такое вытворяют, что даже мне не по себе становится, — и бесцеремонно врываюсь в гримерку. Что ж, а иногда этот человек занимается как раз таки тем, что паразитально ему подходит.

— Мам, — восклицаю я и расстроено хмурю лоб. Успокойся, успокойся — повторяю про себя, а внутри буквально стораю от злости. Мама лежит на ободранном диване, рядом с ней еще две женщины, которым едва ли за тридцать. Однако их лица так осунулись и состарились, что этим красоткам можно дать все сорок, и меня искренне поражает, как же быстротечна юность в руках у тех, кто ею пользоваться не умеет. Высокая, сочная брюнетка — собственно, моя дорогая мать — поднимается с кушетки и вытирает измазанные в туши глаза.

— Зои, что ты здесь делаешь?

— А ты?

Женщины постанывают. Одна из них сонно переворачивается и роняет на линолеум пустую бутылку из-под дешевого спиртного. Приходится пару раз откашляться, чтобы продолжить логично мыслить.

— Уже половина восьмого. Я волновалась. — Облизываю губы. — Ты же обещала.

— Все, все, прости, это в последний раз. Честно! — Она машет в сторону уродливых красоток и повторяет: — В последний. Мы поболтали, еще и чаевые были хорошие, а потом...

— Ладно. Одевайся. Я жду снаружи.

— Зои.

— Одевайся.

Искоса смотрю на блестящее, кружевное боди, прикрывающее лишь малую часть того, что вообще должна прикрывать одежда, и выхожу из комнаты. В баре пусто — для оголтелых нимфоманов слишком ранний час. Всеми силами пытаюсь прогнать с глаз ту картинку, когда моя мать в этом шикарном боди танцует на высоком табурете. Интересно, скольких же мужчин она сумела пленить, нацепив на свое тело эти блестящие нитки? Отвратные мысли. Правда в том, что моя мать не нуждается в эротическом белье или вульгарном корсете для того, чтобы привлечь чье-либо внимание. Без макияжа, в свитере и джинсах она выглядит так, как хотела бы выглядеть я. И не только сейчас, а вообще. Жаль, что существует та часть мамы, о которой никто даже не подозревает. Ведь вряд ли эти скупые кретины, засовывая ей в трусы десятки мокрых бумажек, понимают, что перед ними не пустоголовая шлюха, а толковая женщина.

— Зои, что, мамочка опять надралась?

Владелец бара никогда не отличался тактом. Но от него и не стоит ждать снисхождения, ведь даже жизнь над ним ни капли не сжалилась, одарив кривыми, грубыми чертами лица и толстым брюхом, как у каракатицы. Я улыбаюсь так мило, как только могу, и отвечаю:

— Не ваше дело.

— Она мне пять косарей должна. Напомни, слышишь, сопля? — Он подходит ко мне. Грозит пальцем, и я изо всех сил стараюсь держать себя в руках. Не стоит ждать от людей того, что им несвойственно. Например, вежливости от тупого барана.

— Я скажу.

— Умница. Вся *не* в маму. Пожелай ей *плохого* дня и передай, что я жутко ее *ненавижу*.

Он уходит, а руки все чешутся. Убираю с лица волосы и как-то обреченно осматриваюсь: клуб небольшой, со сценой и двумя пилонами. Возле круглых столиков — табуреты, и уже в который раз я думаю о матери, изгибающейся на этих подмостках именно так, как требуют покупатели. Стань шире, закинь ногу, прогнись, подойди ближе...

— Зои, пойдем.

Мама появляется со спины. Рассеянно хватая меня под локоть и тащит к выходу. На ней бежевое пальто, волосы собраны в тугий хвост. Косметику она стирала так усердно, что сейчас на щеках и под глазами остались красные подтеки, и я невольно прикасаюсь к мелким ранкам кончиками пальцев.

— Не нужно так тереть.

— Без разницы. — Она нервно дергает головой, и моя рука падает вниз. Мы выходим на улицу, идем к поддержанной, длинной «Хонде». Почему-то все мое недовольство исчезает, едва я вижу перед собой ту маму, которая дула мне на коленки, сушила волосы, учила готовить яблочный пирог. Странно, как же человек может сочетать в себе такие поразительно непохожие вещи. И ведь всему виной это банальное желание жить: жить лучше. Мы отчаянно верим, что где-то кому-то гораздо легче, чем нам. И мы стремимся к идеалу, которого на самом деле не существует. — Ты зачем приехала?

— Я волновалась.

— Я сама могу о себе позаботиться. Не надо меня контролировать, Зои.

— Я не контролирую, просто тебя долго не было. А ты пообещала...

— Знаю, знаю. — Она раздраженно достает из сумки ключи. Обходит машину, стуча по мокрому асфальту каблуками, и ловко запрыгивает в салон. Уже внутри она продолжает: — На моей работе тебе делать нечего.

— Хватит, а? Я же сказала, что просто не могла найти себе места. А ты, кстати, должна была прийти еще утром. Сейчас сколько времени? Сколько? — Пожалуй, я нагло пользуюсь тем, что мама для меня скорее подруга, нежели родитель. Разница в возрасте у нас смешная. Она узнала о беременности, едва ей стукнуло семнадцать, а мой отец — или как еще называют человека, чье семяизвержение предопределило твое рождение, — исчез практически в ту же секунду. Вот вам и конец судьбоносного уравнения: молодость плюс любовь определенно не равняется счастливому будущему.

Мама резко выворачивает руль, и машину неуклюже ведет в сторону. Выгибаю бровь:

— Ты в порядке?

— Конечно в порядке. Просто терпеть не могу, когда ты меня не слушаешь. Не надо тебе шляться у меня на работе, уяснила? Ты не должна там находиться. Не должна видеть меня в таком виде.

— Перестань.

— Не перестану. — Она отрывает взгляд от дороги. Смотрит на меня серьезно и вроде как пытается запугать, но я вижу лишь красивую женщину с пухлыми губами и широкими, острыми скулами. С едва заметными ссадинами от жесткой мочалки. С синяками под глазами от бессонной ночи. — Жди, звони, но бар обходи стороной. Я не для того терплю застрявшие в заднице стринги, чтобы ты забегала к нам на огонек.

— Боже, тогда перестань пить с этими проститутками.

— Думай, что говоришь!

— Мам, брось это.

— Разговор окончен.

— Почему?

— Потому что я так сказала. Не хватало, чтобы ты мне еще нотации читала. Зои, это не твое дело.

— Я просто хочу, чтобы ты...

— Что? — Она вновь бросает на меня дикий взгляд и пожимает плечами. На ее губах ярко-алая помада. Единственный штрих, от которого она никогда не избавляет-

ся. — Чтобы я стала лучше? Изменилась? Я классно провела время, и мне хочется и дальше его так проводить. Это не конец жизни, я не обязана сидеть дома, напевая тебе колыбельные, так ведь? Ты же у меня уже взрослая, вот и дай мамочке пожить.

— Это просто невысказано! Живи, пожалуйста, ради бога. Только не надо сходить с ума и...

— Хватит.

— Но я правда волнуюсь.

— Волнуйся сколько влезет, а на работу ко мне не суйся. Услышала?

— Но...

— Услышала?

Недовольно скрещиваю на груди руки. Разве это честно? Так и хочется закричать: ты же моя мама! Ты должна понимать, что упиваться в компании каких-то шлюх неправильно! И жить так неправильно! Ладно, да, нам нужны деньги. Для того и приходится работать в этом мерзком баре. Но чтобы от этого еще и удовольствие получать? Отмечать выманенные кружевными трусами деньги? Тратить их так беспечно, будто дома в лишней сотне никто не нуждается? Нет, этого я определенно не понимаю.

— Что? — бросает она, наверняка увидев мое перекошенное от недоумения лицо.

— Ничего.

— Зои, прошу тебя.

— Я молчу.

— Пожалуйста, солнышко, я не хочу ссориться.

— Мы и не ссоримся. Все в порядке. — Вздыхаю и поражаюсь, как же она так быстро сумела успокоиться и переключиться на Мисс Заботливая Мама. Может, действительно есть особая кнопка? — Ты не думала о том, что я не вмешиваться хочу, а просто пытаюсь помочь?

Мама опять не смотрит на дорогу. Встречается со мной взглядом и усмехается.

— Когда за плечами столько ошибок, надеешься, что хотя бы дети сумеют их избежать. И я знаю, ты лучше меня, умнее. Поэтому не ходи за мной, а иди своей дорогой.

— Мам, я обожаю тебя, но я боюсь. Этот алкоголь, он...

— ...средство против многих неприятностей. Я не помню себя в твоём возрасте, вот и пытаюсь наверстать упущенное.

— Упущенного не наверстаешь.

Мама вдруг искренне смеется. Отрывает правую руку от руля и игриво взъерошивает мои и так спутанные волосы. Хихикает:

— Ну, голова же! Откуда такие мысли? Не в отца, зуб даю! В меня, что ли?

Наконец улыбаюсь.

— В кого ж еще. Идеальная мамочка, — сжимаю ее пальцы.

— Солнце, прости, что сорвалась. Не могу видеть тебя в баре, хоть тресни. Это как ножом по сердцу, понимаешь? Ты еще и застала меня в таком виде. Боже. Если решишь найти себе новую мамашу — я возражать не стану. Честное материнское!

— Нарываешься на комплименты, да?

Мама улыбается, широко, искренне. И это последнее, что я вижу, прежде чем нашу машину таранит нечто гигантское.

Успеваю уловить в воздухе чей-то крик. Думаю, он мой. Но кто знает? С мамой голоса у нас схожи. Может, это она мне что-то сказала? А затем мне жутко больно, будто разом все тело разламывают на две части. Я давлюсь собственным ужасом и отключаюсь.

Не знаю, сколько проходит времени. Открываю глаза и тут же испускаю болезненный стон от пронзившей все тело дикой боли. Темно, мне темно! Я пытаюсь дотянуться руками до лица, но не могу даже пошевелиться и мычу нечто несуразное, ерзая головой на сиденье. Что происходит? Где я? Что за запах? Мама? Где ты? Почему ты не смотрела на дорогу? Почему я тебя отвлекала? Грудь разрывается от рыданий, которые не способны выйти наружу, и я только и делаю, что верчусь, стону, опять верчусь. Наконец высвобождаю руку из-под какого-то тяжелого, острого куска металла и смахиваю с глаз черную пелену.

Она липкая. Смахиваю еще раз и понимаю: это кровь. Она везде, повсюду! Течет по моему лицу, щекам, подбородку, капает на перевернутую крышу автомобиля. Перевернутую... Нас протаранили.

Нас могли убить!

— Мам, — хриплю я. В горле, будто тысячи осколков. — Мам! Мама!

Я тяну к ней свободную руку и вдруг замираю. Кажется, это ее лицо. Оно тоже липкое, и оно жутко холодное. Не знаю, что именно в тот момент до меня доходит, но я вдруг взрываюсь таким плачем, что разбитые окна в машине неприятно и тягуче дребезжат. Извиваюсь изо всех сил и отталкиваюсь сдавленными ногами от пола.

— Нет, нет! Мама! — Опять касаюсь пальцами ее сплвшихся волос. — Мама! Я сейчас, мам!

Во рту скапливается кровь. Я выплевываю ее, а она вновь катится вниз по моему горлу. Наконец просыпаются слуховые рецепторы: я слышу визг запоздалых сирен. Затем включаются вкусовые рецепторы: кровь на вкус ржавая и прокисшая, как компот. А потом в себя приходит обоняние, и я ощущаю этот мерзкий, тяжелый запах гари, крови, резины, и в голове все смешивается. Я реву, реву, извиваюсь, бью ногами дно машины, будто это как-то сможет мне помочь. И я ору так неистово до тех пор, пока меня не вытаскивают из салона чьи-то сильные руки.

Меня уносят прочь от изуродованной, смятой «Хонды», а я тяну ту единственную здоровую ладонь обратно к маме и плачу. Я кричу, прошу отпустить меня, говорю, что должна увидеть ее, спасти ее! А они не слышат. Все отдаляются и отдаляются. И перед моими мутными глазами остаются лишь куски прошлой жизни: куски нашей подержанной машины, куски неба, куски фонарных светлых пятен. Я обессиленно откидываю назад голову, смотрю вверх — на эти тусклые, мелкие звезды. Спрашиваю себя: что теперь будет? И вместо ответа, подкатившего к горлу в виде сотен, тысяч горячих слез, падаю в бесконечную, черную дыру.

ГЛАВА 2

У меня не было своей комнаты, поэтому и вещей мало. Все поместилось в одну большую черную сумку, подаренную маме каким-то ухажером в надежде, что она начнет путешествовать или, может, куда-то с ним уедет. Однако едва мужчины узнавали, что вместо двух фигур в их романе будет присутствовать третья, они тут же испарялись, оставляя после себя лишь эти нелепые, ненужные подарки. Так что удивительно, что сумка оказалась полезной. Прочий хлам, то есть декоративные вазы, набор желтых чашечек, пепельница в виде голой русалки — мама в жизни не притрагивалась к сигаретам, — уродливые настенные часы, два фикуса, три азалии: все это я оставляю за порогом съемной квартиры, даже не моргнув глазом. В этих вещах нет смысла. В этих вещах лишь одни воспоминания. А я не хочу ни о чем помнить. Хочу потерять память, абстрагироваться и забыть о тех днях, когда что-то для меня имело значение.

Я решительным шагом спускаюсь по лестнице, выбегаю на улицу и сильно кусаю губу. У подъезда уже ждет машина. Социальный работник — сорокалетняя, миловидная блондинка в сером, прямом пиджаке — стоит возле левого крыла «десятки» и одаряет меня снисходительным взглядом. Пожалуй, это единственный человек, с которым я перекинулась хотя бы парой слов после аварии. Она забирает из моих рук сумку. Кидает ее на заднее сиденье и кивает мне в сторону передней двери. Я послушно усаживаюсь в салон.

— Ты всегда можешь мне позвонить, — говорит она, заводя «десятку». Ее ногти аккуратные, покрытые блестящим лаком. И я бы решила, что она хорошо зарабатывает, если бы не знала о том, сколько платят тем, кто в нашей стране делает хотя бы что-то полезное. — Зои, ты меня слышишь?

— Да. Слышу.

Смотрю в окно — раннее утро. Мой родной город исчезает из вида. Дома, пейзажи, люди, машины — все это

проносится с дикой скоростью, и я даже не успеваю испугаться из-за того, что на меня вновь нахлынут воспоминания. Я понимаю, я ничего не почувствую, но все равно упрямо продолжаю глазеть по сторонам, создавая видимость живого интереса.

— Надо потерпеть, милая. Просто потерпеть. Еще три месяца, и ты выпустишься из школы, сможешь поступить в институт и съехать. Тут же!

Киваю.

— А еще, — продолжает блондинка, — тебе не придется делить с кем-то комнату, волноваться из-за еды, и я буду спокойна. Понимаешь?

— Понимаю. — Ремень стягивает тело. Я хватаюсь за него пальцами и как-то судорожно выдыхаю: не знаю, когда смогу вновь сидеть на пассажирском сиденье и не думать о широкой, прекрасной улыбке самой обольстительной в этом городе женщины.

— Ты в порядке?

Недоверчиво смотрю на блондинку. В порядке ли я? Внутри кипит злость, она обжигает все тело, и я испытываю непреодолимое желание выплеснуть весь этот пожар из себя наружу, взорваться, заорать, разлететься на куски! Разве я в порядке?

— Да. — Отворачиваюсь. — Все хорошо.

Не думаю, что она мне верит, но профессиональный опыт и отличная чуйка заставляют ее засунуть язык куда подальше. Возможно, поэтому я и спокойна рядом с этой блондинкой. Она знает: говорить мне невыносимо, отчего и не требует от меня того, что смогло бы перевернуть в моей душе последние остатки гордости, решимости. Воли. Я больше не хочу плакать. И, да, возможно, я выбираю неправильный путь. Однако забыть о том, что случилось, проще, чем смириться. А быть сильной? Важно ли в таком случае отличаться особой смелостью? Черт с ней. Лучше я буду слабой, чем искалеченной собственными же мыслями.

Поджимаю губы и зажмуриваюсь: подумать только, я еду к отцу. Просто поразительно. Я собираюсь жить с человеком, которого никогда не видела и поклялась вечно

ненавидеть. Что может быть ироничнее неизбежности? Ты знаешь, что вот-вот сорвешься с края, но все равно продолжаешь по нему идти: других-то вариантов особо не наблюдается. И ты обязательно спотыкаешься, и падаешь, и расшибаешься в лепешку, и вдруг наивно удивляешься, ведь, черт подери, пусть конец и был предрешен, ты все равно упрямо надеялся. Вот она человеческая природа во всей ее красе: умение талантливо и забвенно обманывать не только окружающих, но и самого себя. Я открываю глаза и опускаю взгляд на свои руки. Они дрожат, и мне приходится сцепить их на коленях. Не хватало, чтобы еще блондинка начала свой допрос.

— Зои? — Черт, заметила. — Нам ехать сутки. Может, остановимся отдохнуть?

Не заметила. Пожимаю плечами и отрезаю:

— Ваше дело.

— А ты как считаешь?

— Я считаю, что это ваше дело.

Блондинка почему-то улыбается. Странно. Наверно, я слишком долго не общалась с людьми, и умение грубить стало поводом подружиться.

— Ты интересная девушка.

— Да что вы говорите, — закатываю глаза и вновь смотрю в окно. *Ненавижу говорить, не хочу говорить, не говорите со мной.*

— Я думаю, у тебя все будет хорошо. Да, сейчас тебе страшно, но вскоре рядом появятся близкие люди, и они поддержат тебя.

Не собираюсь отвечать, но слова сами срываются с языка.

— Какие же такие близкие люди? Костик?

— Заметь, Зои, я ничего не говорила о твоём отце. Ты сама о нём вспомнила.

— Тогда кого же вы имели в виду?

— Понятия не имею, — улыбается она, и я недоверчиво хмыкаю. — Кто знает, кого ты встретишь? Питер — чудесный город. Он не просто красив наружностью, он красивый внутри. И люди там есть такие же. Слышишь?

— Хорошо. — Я киваю и вымученно улыбаюсь. — Как скажете.

Блондинка выдыхает, и мы продолжаем ехать молча. Постепенно темнеет. Вместо полей — только черные лоскутки и тусклые пятна от фонарей. Они сливаются в одну линию и несутся за нами, оставляя след, будто хотят, чтобы потом я смогла найти дорогу домой. Но у меня больше нет дома. Без мамы — все не так. Нигде нехорошо. Без мамы нет ни смысла, ни целей. Она умерла, и умерло все. Над головой потухло солнце, и теперь я иду на ощупь в поисках какого-то мнимого спасения. Вот только нужно ли мне оно? Может, я тоже не прочь умереть. Да, это странно, но уже два долгих месяца я задаюсь одним и тем же мучительным вопросом: почему выжила я? Мы ведь были в *одной* машине, нас *обеих* хорошенько потрепало, однако почему-то именно я пришла в себя. Искать в этом злой умысел попросту глупо. Правда, мне больше ничего и не остается, кроме как надеяться на то, что выжила я не для галочки в каком-то небесном списке, а с определенной целью. Вот только с какой? Может, я должна стать ученым? Спасти мир? Сшить себе геройское трико? Над последним тихо хихикаю и удивляюсь своей способности еще растягивать губы в улыбке. Если честно, от этого становится страшно. Страшно, что жизнь действительно продолжается. Кто бы мог подумать. Смысл я вроде как и потеряла, однако Земля не остановилась, а время не замедлило своего хода. И даже самое нещадное событие, расколовшее на две части все мое существование, не смогло что-либо изменить.

Мы делаем остановку часов через восемь, я снимаю наушники и вываливаюсь из машины, едва не падая. Выпрямляюсь, поправляю задрвшуюся чуть ли не до подбородка кофту и оглядываюсь: что может быть лучше ночи, проведенной в каком-то мотеле. Я даже не думала, что у нас такие бывают. Маленькие, одноэтажные, со старыми дверьми и побитыми оконными рамами.

— Не думала, что магистраль будет забита машинами, — извиняющимся тоном щебечет блондинка и поправляет мятый пиджак с мокрыми кругами под мышка-

ми. Зачем она вообще его напаяли? Не на собеседование ведь направляемся. — Мы отстаем от графика. Придется рано проснуться.

— Уже и так рано, — буркаю я. — Часа три, наверное.

— Ты перекусить хочешь?

— Нет, спасибо.

— Зои, мы в пути полдня.

— И что с того?

— Ты не могла не проголодаться.

— Вполне даже могла.

— Зои, пожалуйста.

— Вы не обязаны обо мне заботиться. Я не ваша дочь. Я вам вообще никто.

— Не говори так! — Впервые в голосе блондинки звучит обида. Женщина сердито хлопает дверцей, и тут же эхо разносится по пустой стоянке. — Прости.

— Боже, да за что вы извиняетесь? Со мной все в порядке, я в порядке! — Я разворачиваюсь и быстрым шагом несусь в сторону мотеля.

Не хочу, чтобы она шла следом, но она идет, ведь как иначе? Не смотрю на нее, когда мы бронируем номера. Не смотрю на нее, когда она вручает мне ключи. Не смотрю на нее, когда ухожу. Мне не нужна чья-то жалость, не нужна чья-то забота. Единственный человек, который мог обо мне беспокоиться, умер! И сейчас я не желаю никого видеть, слышать, не могу просто. Врываюсь в комнату и со всей силой хлопаю дверь. Облокачиваюсь об нее всем телом и повторяю: *никого*. Новая волна страшной безнадёги накатывает на меня, когда я ее совсем не жду. Я же пообещала себе больше не плакать. Так, не реви же, Зои, не реви! И тут же по щекам скатываются слезы. Вытираю их, отпрыгиваю назад и хватаюсь руками за голову: мама не вернется. Никогда уже не вернется.

Сажусь на кровать, она так сильно прогибается, что я проваливаюсь и опускаю на колени голову. Мне совсем не больно. Только лишь, когда дышу.

Проходит немало времени, прежде чем я беру себя в руки. Сморкаюсь, подхожу к старому зеркалу и вытираю

пальцами мокрые глаза, щеки, затем заправляю за уши светлые волосы. Моя мать была самым обычным человеком, таким же, как и мы все: с недостатками, с грешками, с ошибками. Но что в ней и было особенным, так это безумная воля к жизни. Брошенная всеми, покинутая и растерянная, она продолжала идти, несмотря ни на какие препятствия. И сейчас она бы злилась, увидев мое лицо. Она бы сказала: «Будь свободна от предрассудков и от жизненных помех. Мы думаем, именно проблемы делают нас людьми, но людьми нас делает обыкновенное счастье, и счастье — редкий дар, не упускай его, Зои. Живи и радуйся даже тогда, когда хочется плакать. Наслаждайся, даже совершив ошибки. Находи хорошее даже в плохом, и тогда ты не пропадешь».

Я улыбаюсь, представив перед собой мамино лицо. Встречаюсь со своим отражением в зеркале и вдруг вижу эту похожую улыбку. Вскидываю брови, касаюсь пальцами груди, там, где бьется сердце, и понимаю: мама — во мне, в моих жестах, в моих словах. Она никогда меня не покинет. Неожиданно я понимаю, что хочу сделать.

Выбегаю из комнаты. Несусь к круглосуточному магазину и сосредоточенно осматриваю прилавки. Возвращаюсь, сжимая в руке упаковку с краской. Порывисто разрываю ее и извлекаю баночку. Да, это то, что мне нужно. Через полчаса мои волосы темно-каштановые, и я ошеломленно изучаю их в зеркале. Перебираю пальцами. Если люди и совершают странности, ведясь на поводу у эмоций, то это определенно одна из них.

Непривычно быть так сильно похожей *на нее*. Локоны мокрые, почти черные. Мне недостает только ярко-алой помады. Тянусь за маленьким, пожелтевшим от времени феном, как вдруг раздается стук в дверь. Неужели блондинка? Надо бы узнать ее имя и запомнить его. Эта женщина пытается помочь мне, а я даже спасибо ей не говорила. Заслуживает ли она такого отношения? Если каждый проблемный ребенок вдруг решит в отместку поиздеваться над ней — она сойдет с ума. Я, наверное, погорячилась. Распахиваю входную дверь и тут же замираю: это не блондинка.

Вместе с запахом алкоголя в комнату влетает худощавый парень, хватая меня за рот и сжимает его с такой силой, что мне становится больно.

— Я отпущу, — задыхаясь, говорит он мне на ухо, — а ты не кричи, договорились?

Киваю. Однако едва он ослабляет хватку, как тут же я вырываюсь и открываю рот для пронзительного ора.

— Стой, стой! — выставив перед собой ладони, восклицает незнакомец. Я вижу, что у него разбита губа и из носа течет толстая красная полоска. — Мне надо спрятаться. У тебя единственной горел свет.

Мне страшно. Не знаю, что делать, так и стою, растопырив пальцы, будто жду, что этот парень сорвется с места и решит разодрать мне глотку. Говорю:

— Уходи.

— Пять минут. Пять минут, и я исчезну, прошу.

— Но что с тобой? — Сам парень слишком худой, чтобы первым лезть в драку. Собственно, поэтому я невольно воспринимаю его как жертву. — На тебя напали?

— Можно и так сказать.

— Ты не уверен?

— Скорее я сам напросился. — Незнакомец неуклюже горбит спину и вытирает руками уже опухший и бордовый от удара нос. — Черт, — парень пьяно морщится, — жжется, дрянь.

Так и тянет полюбопытствовать, что же на самом деле происходит, однако здравый смысл подсказывает мне не начинать беседу с каким-то неизвестным психом.

— Я не хотел тебя напугать.

— Может, — сглатываю и нерешительно продолжаю, — может, тебе нужен доктор?

— Обойдусь.

— Но ты в крови. Тебя хорошенько разукрасили.

— Я еще легко отделался.

— Что же ты натворил?

— Проиграл. — Парень усмехается и тут же морщит лоб. Наверняка нос жутко щиплет. Смотреть на подобные душевные терзания трудно, поэтому я решаю проявить со-

чувствие. Беру полотенце, иду в ванну, подставляю край под холодную воду и возвращаюсь уверенная в своем желании хотя бы немного спасти ночку этого парня. — Держи.

— Спасибо. — Он удивленно хмыкает. Придавливает полотенце к носу и облегченно выдыхает. Осматриваю его кудрявые угольные волосы, торчащий чуб, крупные, безобразные веснушки — не дай бог, самой иметь такие — и зеленые, мутные от алкоголя, глаза. Цвет как у меня. С коричневыми, мелкими крапинками. Думаю, мы с ним одногодки. Интересно, каким же образом он умудрился нажить себе неприятности, не успев достигнуть совершеннолетия? — Считаешь, я ненормальный?

— Есть такая мысль.

— Просто никогда не приходи на закрытые вечеринки.

— Подожди, что? — недоверчиво вскидываю брови. — Тебя избили потому, что ты без спроса пришел на танцы?

— Меня избили не за *то*, что я пришел, а за *то*, *зачем* я пришел. Сечешь?

— И зачем же ты туда пришел?

— Совет номер два: никогда не влюбляйся в шикарных, рыжеволосых отличниц. Говорю по своему опыту. У нее сто процентов есть тот, кто захочет тебя избить. И у него есть парочка дружков, вызвавшихся составить компанию. И в итоге у всех кто-то есть, кроме тебя самого.

В глубине души я знаю, что должна прогнать парня, пинком вытолкнуть за дверь. Но не делаю этого. Не хочу. Он ведь не представляет угрозы. А главное, я неожиданно понимаю, что именно в общении ключ к моему спокойствию. Раньше мне казалось, быть наедине с мыслями — проще, чем ими делиться. Однако сейчас до меня доходит: необязательно рассказывать о том, что у тебя на сердце. Можно ведь и слушать других. Чем не осознанное забвение? Специально быть внимательным, лишь бы не концентрироваться на собственных проблемах.

— Я, наверное, должен уйти.

— Уверен? — Потираю глаза: их немного щиплет. — Может, тебе нужна помощь?

— А тебе?

Он смотрит мне прямо в глаза и, кажется, понимает, что я нахожусь в отвратительном состоянии, колеблясь между девушкой-само-спокойствие и девушкой-разбитой-истеричкой. Когда люди вдруг стали такими пронизательными?

Наверное, алкоголь разбудил его шестое чувство.

— Пьян ты...

— Верно.

— И кровь течет у тебя.

— Тоже факт.

— Тогда зачем помощь мне? Кажется, это у тебя проблемы.

— У всех есть проблемы. Просто мои, — он обводит пальцем гематому у носа, опухшую губу и смеется, — отражены на лице.

Внезапно раздается грохот. Я испуганно отпрыгиваю в сторону, а мой новый знакомый эмоционально выругивается. Переводит на меня растерянный взгляд и говорит:

— Мне крышка.

— Это что, за тобой? — В дверь вновь стучат так сильно, что меня всю передергивает, и я сердито свожу брови. — Что им нужно? Что ты на самом деле натворил?

— Да ничего такого! Просто...

— Что просто? Из-за рыжеволосых отличниц людей не разыскивают посреди ночи!

— Возможно, дело не только в них. — Парень кладет на тумбу полотенце, покачивается назад и наигранно кланяется. — Открывай. Я все равно — труп.

Так и тянет спросить: кто эти люди, что ты натворил, почему не борешься, почему опускаешь руки? Но я не говорю ничего. В голове что-то срабатывает. Я вдруг понимаю, что должна помочь, обязана, ведь, черт подери, не зря этот человек оказался именно в моем номере. К тому же у меня имеется немалый опыт в общении с опасными кретинами.

— В ванной есть окно. — Я смотрю на парня. Его брови ползут вверх, а у меня внутри все возгорается, будто я сделана из бумаги. — Беги. Я задержу их.

— Но...

— Беги.

Мы глядим в похожие глаза друг друга и молчим. Дверь вновь трещит от ударов, кто-то за ней кричит и злится, а мы не двигаемся. Все никак не решаемся сделать то, что в моем случае подвергнет опасности жизнь, а в его — подвергнет опасности совесть. Наконец мои пальцы касаются дверной ручки, они сжимают ее, холодеют.

— Ты же совсем меня не знаешь, — как-то нервно хрипит парень. — Совсем.

С этим не поспоришь, поэтому я лишь пожимаю плечами и говорю:

— Беги.

На этот раз парень не медлит. На заплетающихся ногах он срывается с места и исчезает за дверью ванны. Я слышу, как через несколько минут хлопает оконная рама, глубоко втягиваю в легкие воздух и, смирившись с чем-то ужасным и до нелепости глупым — ведь действительно смешно умереть во вшивом отеле по счастливой случайности, — распахиваю дверь. На пороге меня встречают три незнакомца. Предполагаю, именно они избili моего нового знакомого. Костяшки пальцев у них разукрашены запекшейся кровью. По бокам — два лысых громилы. В центре молодой, светловолосый парень со взглядом как у коварного, мерзкого кота.

Он ухмыляется и делает шаг вперед.

— Добрый вечер.

Так и хочется спросить — какой, к черту, вечер? Но страх не дает даже бровью повести, поэтому я прилежно затыкаю своему сарказму глотку.

— Тут был человек.

— Какой человек?

— Обычный такой. Невысокий, худой, *с кровью на лице*. — Незнакомец смотрит мне прямо в глаза, а я чувствую запах сигарет, исходящий от его выглаженного, идеального костюма.

— Не понимаю, о чем вы. — Пальцы с силой сжимают край двери. — Я никого не видела.

Белый воротник парня заляпан красными пятнами. Громко сглатываю, когда представляю, как незнакомец жестоко избивал моего нового знакомого. Что же тот натворил и за что так поплатился? Не думаю, что тут дело действительно в девушке. Скорее всего, стоит вопрос денег. Иначе как объяснить, что по бокам незнакомого парня два огромных секьюрити, а на испачканных кровью рукавах — золотые запонки.

— Мы не хотели тебя беспокоить, — мурлычет незнакомец, а сам испепеляет меня ядовитым взглядом. Осматривает, выискивает что-то. — Прими наши извинения.

— Ничего страшного. — Говорить сложно: в горло будто навалили сотню камней, но я все же собираюсь с мыслями и отрезаю: — Доброй вам ночи.

Господи, какая глупость! Доброй вам ночи? Да они же наемники какие-то, Зои! О чем ты думала? Однако отступать уже поздно. Я закрываю дверь, и последнее, что вижу — довольную, чеширскую улыбку незнакомца. Почему он так улыбается? Что он заметил?

Оставшись одна, облакачиваюсь спиной о стену и хватаюсь руками за лицо. Вот так ночка! Растерянно бегаю взглядом по комнате. Что же увидел этот жуткий парень? Может, он просто спятил? Глаза у него действительно безумные. Я со многими подонками общалась, но так жутко мне давно не было. Эти люди — опасные. Они способны на то, на что мы — обычные смертные — никогда бы не решились.

И тут я вдруг замечаю это чертово полотенце на моей тумбе.

Окровавленное полотенце.

— Вот же... черт!

Закрываю дверь еще на два оборота. Задергиваю шторы. Бегу в ванную и с силой хлопаю оконной рамой. Руки дрожат, не слушаются. Почему мне так страшно? Ведь все позади. Они ушли. Они знали, что я обманываю, но все равно ушли. Это обозначает лишь то, что до меня им нет никакого дела. Так ведь? Я попросту им не нужна. Я ложусь в постель. Не выключаю свет. Закрываю глаза. Но не сплю. Ни минуты.

ГЛАВА 3

Дом моего отца трехэтажный с массивными, темно-зелеными стенами и колоннами в стиле ампир. Я исследую из окна машины этот замок и еле сдерживаю злость. Почему именно злость? Да потому что я все думаю о том, как мы с мамой едва сводили концы с концами, а этот человек шикавал в роскошных покоех. Да, не мне судить, и ситуация, в которую угодили мои родители, мне неизвестна. Однако я не могу не замечать того, что находится прямо перед моим носом. Например, кирпичных дорожек, бескрайних полей для гольфа и необъятных бассейнов на лужайке каждого дома. Все это для меня в новинку, и первые несколько минут мне кажется, что я сплю.

— Дом — старый, но хорошо сохранившийся, — сообщает блондинка. Она паркуется у входа и переводит на меня серьезный взгляд. — Твой отец богат. Я знаю, тебе не по себе, но постарайся не акцентировать на этом внимания.

— Не акцентировать внимания? — удивленно переспрашиваю я, пусть и не хочу, чтобы в моем голосе звучали хотя бы нотки восхищения. — Это здание больше всего нашего общежития, вместе взятого! Он что — мафиози?

— Городской судья.

— Один грех.

— Зои, зря ты покрасилась, — неожиданно поучает меня блондинка. Я недоверчиво смотрю на нее ижимаю плечами.

— Захотелось.

— Поговорим об этом?

— Нет.

Открываю дверь и выкатываюсь из салона. Нехотя еще раз осматриваю витые, медные ставни. Злость — сильное чувство. Я знала, что не смогу стерпеть человека, бросившего не только меня, но и мою мать гнить где-то в тесной, разваливающейся комнате. Но думала ли я, что возненавидеть его окажется так просто? Черт, прохожусь рукой по волосам и растерянно поджимаю губы: что я здесь вообще

забыла? Это же невысказано! Жить с отцом, да и какой он мне отец? Как же его называть? Константин Сергеевич? Костик? Папа? Как же все это глупо. Моя мама погибла, а я решилась на переезд в дом человека, не имеющего ни капли совести, ответственности, рассудка; не имеющего ни грамма знания *о той* жизни, *о тех* проблемах, *о том* мире, который сердито поджидает всех за порогом этого чудного, зеленого домика. У этой семьи есть антидот. У моей мамы его сроду не было. Что же имеется у меня, кроме перспективного, потрясающего будущего в логове злейшего врага?

Я постанываю и захлопываю дверь. Блондинка переводит на меня снисходительный взгляд, собирается сказать что-то обнадеживающее — я думаю, — как вдруг на пороге коттеджа появляется высокий, светловолосый мужчина и устремляет прямо на меня свои зеленые глаза. Не знаю почему, наверное, это сродни инстинктам, но я сразу понимаю, что это он — мой отец. Мы никогда не виделись, никогда не разговаривали, но достаточно лишь одного взгляда, и все становится предельно ясно. Он мой папа. Он меня бросил. И я должна злиться, но почему-то ощущаю в груди дикий трепет, словно этот человек — единственная родня, оставшаяся у такой вот несчастной сиротки. Нервно поправляю сумку — он нервно дергает ворот свитера. Растерянно поджимаю губы — он растерянно хмурит лоб.

Первой в себя приходит блондинка. Она откашливается и сокращает расстояние между собой и моим...
Хм. *Этим человеком.*

— Здравствуйте, я Наталья Игоревна. — Она жмет ему руку и зачем-то кивает. — Надеюсь, мы не сильно опоздали. Дороги, как специально, были забиты, поэтому нам пришлось постоять в пробках. Тем не менее я привезла всю необходимую документацию. Электронная копия у вас уже имеется, но начальство потребовало письменного подтверждения. Итак, распишитесь. Вот здесь. И здесь.

Этот человек делает, как она велит. Затем опять поднимает взгляд на меня и как-то нервозно пожимает плечами.

— Здравствуй, — говорит он, а у меня даже язык не поворачивается ответить. Я знаю, я должна сказать хоть что-то. Должна! Но не выходит. Внутри вдруг становится так тяжело, что я отворачиваюсь, не найдя в себе сил смотреть в такие похожие, зеленые глаза.

— Это Зои, — будто мне пять лет, сообщает блондинка. Она подтаскивает меня к себе и стискивает за талию. — Я хочу быть уверена, что за эти три месяца с ней ничего не случится. Просьба личная. В документах вы ее не найдете. Просто мне будет спокойнее, если вы дадите слово.

— Наталья, я и рад вам пообещать, что все сложится без происшествий. — Происшествий? Это так он называет внезапно объявившуюся семнадцатилетнюю дочь? Что ж, отличное определение. И ведь не скажешь — ошибка молодости. Куда приятнее звучит «огромное недоразумение». — Может, пройдет? — продолжает *он*. — Прошу, заходите. Вы долго ехали и наверняка устали. Мы приготовим гостевую комнату.

— Нет, спасибо.

Затем блондинка поворачивается спиной к *этому человеку* и кладет крепкие ладони мне на плечи. Она смотрит мне прямо в глаза, и я чувствую себя ужасно глупо, но не сопротивляюсь. Жду, когда же эта странная женщина скажет уже то, что накопело.

— Ты — не твоя мать. — Пожалуй, это самое неожиданное напутствие. Оно бьет по моему лицу, как пощечина, и я обиженно сжожу брови. Хочу ответить, вырваться, однако блондинка продолжает: — Вы можете походить внешне, и я не сомневаюсь: внутри вы также поразительно схожи. Правда, это ничего не значит.

— Ясно.

— Подожди. Послушай.

— Зачем? Вы говорите не о моей матери. Вы говорите о том, кем она являлась для вас, для окружающих, для остальных. Но вы понятия не имеете, какой она была на самом деле. Так вот знаете? Я хочу быть как она. И мне не стыдно.

— Я не имела в виду, что...

— Да. Вы не виноваты. Все это уверенность людей, будто они действительно понимают жизнь. Ни черта вы не понимаете. В любом случае спасибо вам, Наташа. — Впервые я называю ее по имени, и блондинка растерянно хмурит нос.

— Я хочу, чтобы у тебя все получилось.

— Я тоже этого хочу.

Пожимаю руку социальному работнику. Знаю, она не специально, она не понимает, она *не может* понять, ведь никогда не ощущала ничего подобного, и поэтому пытаюсь утихомирить в груди обиду. Нельзя испытывать ярость лишь от того, что другим твои чувства незнакомы. Когда-нибудь они изменят свое мнение. А если не изменят — и слава богу, ведь изменить его смогут только паршивые события.

Блондинка уезжает. Я смотрю, как «десятка» скрывается за поворотом, и внезапно осознаю, что за моей спиной стоит *он*. Лицо мгновенно вспыхивает: то ли от гнева, то ли от стеснения. Я оборачиваюсь и вижу *его*. *Этот человек* небрежно облакачивается плечом о потертый фонарь, и я бы поверила в то, что ему комфортно вот так вот стоять передо мной и криво улыбаться, если бы не красные пятна, выступившие у него на шее.

Этот Константин высокий. Стройный. Волосы короткие и светлые, немного рыжеватые. Почему-то морщусь, понимая, что еще вчера сама ходила с похожим цветом волос.

— Не знаю, с чего начать, Зоя, — наконец проговаривает он, но я тут же вставляю:

— Зои.

— В смысле?

— Не Зоя, а Зои.

— Прости. — Он откашливается. — Знаешь, я хотел сказать, что мне очень жаль. Маргарита была чудесным человеком, что бы и кто о ней ни говорил.

— Поэтому вы ее бросили? — Я не произношу этот вопрос со злостью или с гневом. Скорее просто хочу понять,

что же случилось и почему мои родители так и не стали крепкой, дружной семьей. Мужчина пожимает плечами.

— Это сложно. Не думаю, что стоит говорить об этом прямо сейчас. На пороге. Давай пройдем в дом, я все тебе покажу. Не волнуйся, слышишь? Я правда сожалею и хочу помочь.

Так и хочется закричать: да не нужна мне твоя помощь! Мне нужен был отец, моей маме нужен был муж. Нам нужна была опора, поддержка, защита, но у нас ничего из этого не было. Ничего! Но я не произношу ни звука. Пусть во мне и бушует пожар, поддаваться эмоциям глупо, ведь что бы я ни кричала, о чем бы ни говорила — идти мне некуда.

Этот человек — моя единственная надежда хотя бы на какое-то будущее.

Константин водит меня по роскошным, огромным комнатам, то и дело отвлекаясь на звонки. Особняк просто невероятный. Я никогда не видела ничего подобного, но стараюсь держать себя в руках и не расширять глаза слишком уж часто. Также я стараюсь не вздыхать, не охать, не каменеть и не заикаться. Как же так получилось, что люди живут настолько по-разному? Все мы работаем, все мы стараемся достичь лучшего, однако кто-то ест из одноразовой посуды, а кто-то десять минут раздумывает над тем, каким именно по счету ножом разрезать рыбу. Разве не абсурд? Да, оплата каждому своя: кому-то повезло больше, кому-то меньше, и, естественно, мы никогда не избавимся от этого пресловутого социального неравенства. Но есть ли предел безумию? Я два года почти ничего не ела, делила с мамой один кусок мяса на двоих — и то не каждый день. Что же в это время делали люди с этой улицы?

— Прости, — в очередной раз извиняется *этот человек*. Он убирает телефон в карман и поправляет вязаный светло-бежевый свитер. — Не работа, а сплошное сумасшествие. Наталья говорила, чем я занимаюсь?

— Нет. — Почему-то вру я и скидываю подбородок. — Мы не говорили о те... вас.